. О. Генри

Коловращение (сборник)

«ФТМ»

1910

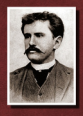
О. Генри

О. Генри — «ФТМ», 1910

ISBN 978-5-4467-2311-9

ISBN 978-5-4467-2311-9

© О. Генри, 1910
© ФТМ, 1910



О.Генри

Коловращение
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри
Коловращение (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137659
Коловращение (сборник): ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2311-9

Аннотация

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«Несколько дней назад мой старый друг из тропиков, Дж. Н. Бриджер, консул Соединенных Штатов на острове Ратоне, очутился у нас в городе. Мы справили юбилей на славу. Несколько дней мы бездельничали, вообще мухобойничали. Когда мы успокоились, мы как-то проходили во время отлива по улице, параллельной Бродвею и пародирующей его.

Красивая, светского вида дама прошла мимо нас, держа на сворке сопящее, злобное, переваливающееся существо в образе желтой собачонки. Собака, запутавшись между ногами Бриджера, впилась в его лодыжки рычащими, раздраженными, злобными укусами. Бриджер с радостной улыбкой вышиб из зверюги дух. Женщина окатила нас мелким душем хорошо пригнанных прилагательных (чтобы в нас не осталось никаких сомнений относительно места, занимаемого нами в ее мнении) – и мы прошли дальше. В десяти шагах дальше старуха, с растрепанными седыми волосами и чековой книжкой, хорошо запрятанной под разодранной шалью, попросила милостыню. Бриджер остановился и выпотрошил ей в руки четверть содержимого из своего праздничного жилета…»

Содержание

Теория и собака 6
«Девушка» 13
Костюм и шляпа в свете социологии 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

О. Генри
Коловращение
(рассказы из авторского сборника)

Теория и собака
(Перевод под ред. В. Азова)

Несколько дней назад мой старый друг из тропиков, Дж. Н. Бриджер, консул Соединенных Штатов на острове Ратоне, очутился у нас в городе. Мы справили юбилей на славу. Несколько дней мы бездельничали, вообще мухобойничали. Когда мы успокоились, мы както проходили во время отлива по улице, параллельной Бродвею и пародирующей его.

Красивая, светского вида дама прошла мимо нас, держа на сворке сопящее, злобное, переваливающееся существо в образе желтой собачонки. Собака, запутавшись между ногами Бриджера, впилась в его лодыжки рычащими, раздраженными, злобными укусами. Бриджер с радостной улыбкой вышиб из зверюги дух. Женщина окатила нас мелким душем хорошо пригнанных прилагательных (чтобы в нас не осталось никаких сомнений относительно места, занимаемого нами в ее мнении) – и мы прошли дальше. В десяти шагах дальше старуха, с растрепанными седыми волосами и чековой книжкой, хорошо запрятанной под разодранной шалью, попросила милостыню. Бриджер остановился и выпотрошил ей в руки четверть содержимого из своего праздничного жилета.

На следующем углу стояло четверть тонны одетого по последней моде человека, с напудренными рисом жирными, белыми щеками; он держал на цепочке дьявольское отродье – бульдога, передние лапы которого, расположенные одна от другой на расстоянии одной таксы, были незнакомы друг с дружкой. Перед человеком стояла маленькая женщина в прошлогодней шляпке и плакала. Это было, очевидно, все, что она могла сделать; он же ругал ее тихим, сладким, привычным тоном.

Бриджер снова улыбнулся, – исключительно про себя, – и на этот раз он вынул маленькую записную книжечку и сделал в ней заметку. Этого он не имел права делать без должных объяснений, и я так и заявил ему.

– Это новая теория, – сказал Бриджер, – которую я подцепил там, на Ратоне. Натолкнувшись на нее, я стал искать ей подтверждений. Мир еще не созрел для нее, но, так и быть, я расскажу вам. А вы после этого мысленно обегайте всех людей, которых вы знаете, и посмотрите, не окажется ли моя теория действенной.

Итак, я провел Бриджера в одно место, где имеются искусственные пальмы и вина, и он рассказал мне эту историю. Я передаю ее вам моими словами, но под его ответственность.

Однажды, в три часа пополудни, по острову Ратона промчался мальчик, крича: ««Pajaro» на рейде!»

Этим он доказал остроту своего слуха и тонкое умение распознавать гудки.

Тот, кто первый на Ратоне слышал гудок и громогласно объявлял об этом согражданам, правильно определив при этом название приближающегося парохода, становился на Ратоне героем и оставался в этом звании до следующего парохода.

Вот почему среди босоногой молодежи Ратоны происходило на этой почве соперничество.

Многие пали жертвами рожков из раковин, в которые дули при входе в гавань с некоторых парусников. Они издавали звук, поразительно напоминавший отдаленные свистки паро-

ходов. Но многие зато умудрялись назвать вам пароход, когда гудок его звучал в ваших тупых ушах не громче вздоха ветра в ветвях кокосовой пальмы.

В этот день почести выпали на долю того, кто объявил «Pajaro». Ратона наклонила уши, чтобы прислушаться, и вскоре тихое ворчанье парохода усилилось и приблизилось. Ратона увидела, наконец, над линией пальм у низкой «стрелки» две черных трубы фруктового парохода, медленно подползавшего ко входу в гавань.

Вы должны знать, что Ратона – остров, лежащий в двадцати милях к югу от одной из южноамериканских республик. Она является портом этой республики. Город сладко дремлет на берегу смеющегося моря, не сеет и не жнет и питается изобилием тропиков, где все «созревает, останавливается и падает готовое в могилу».

Восемьсот человек жителей живут дремотной жизнью в утопающем в зелени поселке, растянувшемся по подковообразному изгибу ее игрушечной гавани. Это большей частью испанские и индейские метисы, с легкой темной примесью сан-домингских негров и светлой – чистокровных испанских чиновников; вы найдете здесь также осадок из трех или четырех пионерствующих белых рас. Никакие пароходы, кроме фруктовых, не заходят в Ратону. Последние подбирают здесь инспекторов с банановых плантаций, отправляющихся на материк, и оставляют воскресные газеты, лед, хинин, сало, арбузы и оспенную вакцину. На этом и заканчивается приблизительно все общение Ратоны с миром.

«Pajaro» замешкался у входа в гавань, тяжело разрезая волны, от которых по гладким внутренним водам гавани разбегались барашки. Две лодки из поселка – одна с фруктовыми инспекторами, а вторая вышедшая, чтобы получить с парохода что придется, – были уже на полпути к пароходу.

Инспектора были подняты на борт вместе с своей лодкой, и «Pajaro» направился дальше, к материку, за грузом фруктов.

Вторая лодка вернулась на Ратону, нагруженная контрибуцией с ледяного погреба «Pajaro», обычным свертком газет и одним пассажиром – Тейлором Планкеттом, шерифом Чэтемского графства, Кентукки.

Бриджер, консул Соединенных Штатов на Ратоне, был занят в официальной хижине под хлебным деревом, в двадцати ярдах от гавани, чисткой ружья. Консул занимал место несколько ближе к хвосту в процессии своей политической партии. Музыка шествовавшего впереди оркестра очень слабо доносилась до него на этом расстоянии. Сливки – хорошие должности – снимали другие. Доля Бриджера в добыче – место консула на Ратоне – была молоко, снятое молоко из департамента распределения общественного пирога. Но 900 долларов в год было богатство на Ратоне. Кроме того, Бриджер пристрастился к охоте на аллигаторов, водившихся в лагуне около консульства, и он не чувствовал себя обиженным.

Он оторвал глаза от внимательного осмотра ружейного замка и увидел перед собой широкоплечего человека, затмившего собою отверстие двери, грузного, бесшумного, неповоротливого человека, загорелого почти до коричневых тонов Ван-Дейка. Человека лет сорока пяти, прилично одетого в костюм из грубого сукна, с жидкими светлыми волосами, коротко подстриженной каштановой с проседью бородкой и бледно-голубыми глазами, выражавшими кротость и простодушие.

– Вы будете мистер Бриджер, консул? – сказал грузный человек. – Меня направили сюда. Не можете ли вы сказать мне, что это за такие вроде как тыквы, пучки растут на деревьях там, по краю воды? Чисто метелки из перьев.

– Возьмите этот стул, – сказал консул, смачивая маслом тряпку, которой он чистил ружье. – Не этот – другой. Этот, бамбуковый, не выдержит вас… Это кокосовые орехи, зеленые кокосы. Их кожура всегда имеет зеленоватый оттенок, пока они не созреют.

– Весьма вам обязан, – сказал человек, осторожно усаживаясь. – Мне не хотелось бы рассказывать потом дома, что это оливки, не уверившись в этом как следует. Мое имя План-

кетт. Я шериф Чэтемского графства, Кентукки. У меня в кармане лежат бумаги на выдачу и на право ареста одного человека тут на острове. Они подписаны президентом этой страны и вполне оформлены. Имя этого человека Уэйд Вильямс; он здесь работает по кокосовой части. Он обвиняется в убийстве своей жены, совершенном два года назад. Где я могу найти его?

Консул прищурил один глаз и заглянул в дуло своего ружья.

– Здесь, на острове, нет никакого Вильямса, – заметил он.

– Я и не предполагал, что здесь есть Вильямс, – кротко ответил Планкетт. – Он живет, наверно, под каким-нибудь другим именем.

– Кроме меня, – сказал Бриджер, – на Ратоне есть только два американца: Боб Ривз и Генри Морган.

– Человек, который мне нужен, торгует кокосами, – настаивал Планкетт.

– Видите вы эту кокосовую аллею, которая тянется до самой стрелки? – сказал консул, махнув рукой по направлению к двери. – Это все собственность Боба Ривза. Генри Моргану принадлежит половина деревьев в глубине острова.

– Месяц назад, – сказал шериф, – Уэйд Вильямс написал конфиденциальное письмо одному человеку в Чэтемском графстве, в котором он сообщал, где он находится и как живет. Письмо это было потеряно адресатом и передано лицом, нашедшим его, властям. Меня послали за преступником, снабдив необходимыми бумагами. Я полагаю, что это, несомненно, один из ваших кокосовых торговцев.

– У вас, наверное, есть его фото? Это может быть либо Ривз, либо Морган. Но мне неприятно даже и думать об этом. Они оба прекрасные малые. Вы не встретите таких за целый день езды на автомобиле.

– Нет, – нерешительно ответил Планкетт, – мне не удалось достать никакой фотографии Вильямса, и сам я никогда не видал его. Я шериф только год. Но у меня есть довольно точное описание его примет. Рост около пяти футов одиннадцати дюймов, глаза и волосы темные, нос, скорее, римского образца; широк в плечах, крепкие белые зубы, все в наличности; любит посмеяться, разговорчив, любит выпить, но никогда не пьянеет; при разговоре смотрит прямо в глаза; возраст тридцать пять. К какому из ваших молодцов подходит это описание?

Консул широко улыбнулся.

– Я скажу вам, что сделать, – сказал он, положив ружье и надев поношенный черный пиджак из альпака. – Пойдемте, мистер Планкетт, и я вам покажу обоих парней. Если вы сумеете сказать, к кому из них больше подходит это описание, вы будете иметь надо мной преимущество.

Бриджер вышел с шерифом и повел его по крутому берегу, на котором раскинулись крошечные домики поселка. Сейчас же за домами неожиданно поднимались небольшие, густо поросшие лесом холмы. На один из них, по ступенькам, высеченным в твердой глине, консул повел Планкетта. На самой вершине холма, у обрыва лепился деревянный коттедж в две комнаты, крытый тростниковой крышей. Карибка снаружи стирала белье. Консул подвел шерифа к дверям комнаты, выходившей окнами на гавань. В ней находились два человека без пиджаков, собиравшиеся как раз усесться за стол, накрытый для обеда. Между ними было мало сходства в деталях, но общее описание, данное Планкеттом, могло бы одинаково подойти к обоим. По росту, цвету волос, форме носа, сложению и манерам каждый из них подходил к описанию. Это были два прекрасных образчика жизнерадостных, сметливых, душа нараспашку, американцев, подружившихся на чужой стороне.

– Алло, Бриджер! – воскликнули они в один голос, увидев консула. – Заходите! Пообедаем!

Тут они заметили за спиной консула Планкетта и тотчас же вышли навстречу пришедшим с гостеприимным любопытством.

– Джентльмены, – сказал консул, причем голос его принял необычную официальность, – это мистер Планкетт. Мистер Планкетт – мистер Ривз и мистер Морган!

Кокосовые короли радостно приветствовали нового знакомого. Ривз казался, пожалуй, на дюйм повыше Моргана, но смех у него был не такой громкий. Глаза у Моргана были темно-карие, а у Ривза черные. Ривз был хозяином и начал хлопотать насчет стульев и велел карибке поставить еще два прибора.

Выяснилось, что Морган живет в бамбуковой хижине подальше от берега, но что оба друга ежедневно обедают вместе.

Пока шли хозяйственные приготовления, Планкетт стоял спокойно, кротко рассматривая все кругом своими бледно-голубыми глазами. Бриджер как бы извинялся и чувствовал себя стесненно.

Наконец, два других прибора были поставлены, и гостям были указаны их места. Ривз и Морган стояли рядом, по ту сторону стола, против гостей. Ривз, весело кивнул, приглашая этим всех сесть. Тогда вдруг Планкетт поднял руку повелительным жестом. Глаза его были направлены прямо в промежуток между Ривзом и Морганом.

– Уэйд Вильямс, – сказал он спокойно, – вы арестованы по обвинению в убийстве.

Ривз и Морган обменялись быстрым, открытым взглядом, выражавшим недоумение, с долей из удивления. Затем они одновременно повернулись к говорившему с изумлением и искренним укором в глазах.

– Мы не можем сказать, чтобы мы вас поняли, мистер Планкетт, – сказал Морган веселым тоном. – Вы, кажется, сказали: «Вильямс»?

– Что это за шутка, Бриджи? – с улыбкой спросил Ривс, повернувшись к консулу.

Прежде чем Бриджер успел ответить, Планкетт заговорил снова.

– Я объясню, – сказал он спокойно. – Один из вас не нуждается в объяснении, но я делаю это для другого. Один из вас – Уэйд Вильямс из Чэтемского графства, Кентукки. Два года назад, пятого мая, вы убили вашу жену. Это произошло после того, как вы беспрерывно в течение пяти лет дурно обращались с ней и оскорбляли ее. У меня в кармане все нужные документы, чтобы увезти вас с собой, и вы поедете. Мы поедем на фруктовом пароходе, который придет завтра, чтобы высадить на берег инспекторов. Я признаюсь, господа, что я не совсем уверен в том, кто именно из вас Вильямс. Но Уэйд Вильямс поедет завтра обратно в Чэтемское графство, Кентукки. Я хочу, чтобы вы это поняли.

Громкий взрыв веселого хохота прокатился над тихой гаванью. Это смеялись Морган и Ривз. Несколько рыбаков из флотилии шлюпок, стоявших на причале, в недоумении посмотрели наверх, где стоял дом этих чертей americanos.

– Дорогой мой мистер Планкетт, – воскликнул Морган, подавляя свое веселье, – обед стынет. Позвольте нам усесться за стол и поесть. Я горю нетерпением опустить ложку в этот суп из плавников акулы. Дело после.

– Садитесь, пожалуйста, джентльмены, – любезно прибавил Ривз. – Я уверен, что мистер Планкетт не будет иметь ничего против. Может быть, некоторый срок поможет ему получше опознать джентльмена, которого он хочет арестовать.

– Конечно, я ничего не имею против, – сказал Планкетт, тяжело опускаясь на стул. – Я и сам голоден. Я только не хотел воспользоваться вашим гостеприимством, не предупредив вас. Только и всего.

Ривз поставил на стол бутылки и стаканы.

– Тут коньяк, – сказал он, – анисовка, шотландское виски и хлебная водка. Прошу! Что кому по вкусу.

Бриджер выбрал водку, Ривз налил себе на три пальца шотландского виски, Морган то же самое. Шериф, несмотря на все протесты, наполнил свой стакан из бутылки с водой.

– За аппетит мистера Вильямса! – сказал Ривз, поднимая свой стакан.

Смех и виски, столкнувшись в горле у Моргана, вызвали у него приступ удушья. Все принялись за обед – очень хорошо приготовленный и вкусный.

– Вильямс! – неожиданно позвал Планкетт.

Все с удивлением оглянулись. Ривз заметил, что кроткие глаза шерифа остановились на нем. Он слегка покраснел.

– Послушайте, – сказал он с некоторым раздражением, – мое имя Ривз, и я не хочу, чтобы вы…

Но комизм положения выручил его, и он закончил смехом.

– Я полагаю, мистер Планкетт, – сказал Морган, тщательно заправляя салат, – что вам это, наверно, известно. Вы импортируете вместе с собой в Кентукки порядочное количество неприятностей, если привезете туда не того человека. Если, разумеется, вы вообще кого-нибудь привезете с собой.

– Благодарю вас за разъяснение, – сказал шериф. – Будьте уверены: я увезу кого-нибудь с собой. И это будет один из вас двоих, джентльмены. Я знаю, что я должен буду отвечать, если сделаю ошибку. Но я попробую не сделать ошибки и захватить именно того, кого следует.

– Я вам посоветую, как быть, – сказал Морган, наклонившись вперед с веселым блеском в глазах. – Возьмите меня. Я поеду без всякого сопротивления. Кокосы в этом году обернулись не особенно прибыльно, и я не прочь был бы подзаработать с вас за неправое лишение свободы.

– Это будет несправедливо, – вмешался Ривз. – Я заработал только по шестнадцать долларов с тысячи на последней отправке. Возьмите меня, мистер Планкетт.

– Я возьму Уэйда Вильямса, – терпеливо сказал шериф.

– Это похоже на обед с привидением, – заметил Морган, притворно вздрогнув, – да еще с призраком убийцы. Не желает ли кто-нибудь передать зубочистку мрачной тени мистер Вильямса?

Планкетт сидел совершенно невозмутимо. Можно было подумать, что он обедал за своим собственным столом в Чэтемском графстве. Он был большим гастрономом, и странные тропические кушанья приятно щекотали его нёбо. Грузный, ординарный, почти ленивый в своих движениях, он, казалось, был лишен всякой хитрости и сметки ищейки. Он даже перестал следить с какой бы то ни было зоркостью, или мало-мальской наблюдательностью за двумя мужчинами, одного из которых он намеревался с страшной самоуверенностью арестовать по тяжкому обвинению в убийстве жены. Перед ним действительно стояла задача, готовившая ему, в случае неверного решения, серьезное поражение. И тем не менее он сидел, всецело, по-видимому, поглощенный необычным ароматом котлеты из игуаны.

Консул чувствовал себя отвратительно. Ривз и Морган были его друзьями и товарищами, но шериф из Кентукки имел определенное право на его служебное содействие и моральную поддержку. Итак, Бриджер сидел молчаливее всех, стараясь разобраться в создавшемся странном положении. Зная их сообразительность, он пришел к заключению, что оба они, и Ривз и Морган, молниеносно смекнули про себя, когда Планкетт открыл им свою миссию, что другой может быть действительно искомым Вильямсом. И они тут же решили, каждый про себя, честно защитить товарища от грозившей ему опасности. Такова была теория консула, и, если бы ему пришлось быть букмекером на этой скачке умов с призом – жизнь и свобода на финише, он поставил бы сто против одного на грузного шерифа из Чэтемского графства, Кентукки.

Когда обед закончился, пришла карибка и убрала тарелки и скатерть. Ривз высыпал на стол великолепные сигары, и Планкетт, вместе с остальными, закурил одну из них с очевидным одобрением.

– Я, может быть, туп, – сказал Морган, подмигнув Бриджеру – но я хотел бы убедиться в этом. Я думаю, что все это шутка мистера Планкетта, задуманная, чтобы напугать двух младенцев в лесу. Вы мне растолкуйте, что это – всерьез с этим Вильямсоном или это шутка?

– Вильямс, – с ударением поправил Планкетт. – Я никогда в жизни не занимался дурачеством и думаю, я не проделал бы две тысячи миль ради такой жалкой шутки, какой явилась бы действительно эта поездка, если бы я не арестовал здесь Уэйда Вильямса. Джентльмены, – продолжал шериф, беспристрастно переводя свои кроткие глаза с одного из хозяев на другого, – посудите сами, похоже ли это на шутку? Уэйд Вильямс слышит мои слова, но из вежливости я буду говорить о нем, как о третьем лице. В течение пяти лет он обращался со своей женой как с собакой. Нет, я беру эти слова назад. Ни с одной собакой в Кентукки не обращались еще так, как с ней. Он тратил деньги, которые она приносила ему, проматывая их на скачках, в карты, на лошадей и охоту. Он был славным малым в глазах своих друзей, но жестоким и холодным демоном дома. Он закончил эти пять лет жестокого обращения ударом сжатого кулака, – кулака жесткого, как камень, – когда она была уже больна и ослабела от страданий. Она умерла на следующий день, а он скрылся. Вот и все.

Этого достаточно. Я никогда не видел Вильямса, но знал его жену. Я не из тех людей, которые недоговаривают. Мы с ней были друзьями, когда она встретилась с Вильямсом. Она поехала гостить в Луисвилль и там познакомилась с ним. Да, он разбил мое счастье очень быстро. Я жил тогда у подножья Камберлендских гор и был избран шерифом Чэтемского графства через год после того, как Уэйд Вильямс убил свою жену. Долг службы привел меня сюда за ним, но я не отрицаю, что здесь замешано у меня и личное чувство. И он поедет теперь со мной в Чэтем. Мистер… э-э-э… Ривз, будьте добры, спичку!

– Ужасно неосторожно было со стороны Вильямса, – сказал Морган, уперев ноги в стену, – ударить кентуккскую леди. Говорят, я слыхал, что они очень экономны?

– Скверный, скверный Вильямс, – сказал Ривз, подливая себе виски.

Оба они говорили непринужденно, но консул видел и чувствовал напряжение и осторожность в их словах и движениях.

«Славные ребята, – сказал он себе. – Оба молодцы. Каждый друг за дружкой, как за кирпичной стеной».

В это время в комнату, где они сидели, вошла собака, черно-бурая собака, длинноухая, ленивая, уверенная в ласковом приеме.

Планкетт повернул голову и посмотрел на животное, доверчиво остановившееся в нескольких шагах от его стула.

Вдруг шериф с громким ругательством вскочил с места и нанес своим увесистым сапогом злобный и сильный пинок собаке. Та, обиженная, изумленная, опустила уши, поджала хвост и издала пронзительный вой боли и удивления.

Ривз и консул остались на своих местах. Пораженные таким неожиданным проявлением нетерпимости со стороны этого покладистого человека из Чэтемского графства, они не произнесли ни слова.

Но Морган с внезапно побагровевшим лицом вскочил и занес над гостем угрожающую руку.

– Вы – скотина! – запальчиво крикнул он. – Зачем вы это сделали?

Планкетт пробормотал какое-то невнятное извинение и занял опять свое место. Морган решительным усилием подавил свое негодование и также вернулся к своему стулу.

Тогда Планкетт прыжком тигра обогнул угол стола и вмиг надел наручники на руки парализованного неожиданностью Моргана.

– Любитель собак и убийца женщин! – воскликнул он. – Приготовьтесь встретить ваш час!

Когда Бриджер кончил свой рассказ, я спросил его:

– И что же, он арестовал действительно кого следовало?

– Кого следовало, – ответил консул.

– А как он узнал его? – спросил я в некотором недоумении.

– Когда этот Планкетт на следующий день усадил Моргана в лодку, чтобы отвезти его на борт «Pajaro», он остановился попрощаться со мной, и я задал ему тот же самый вопрос.

– Мистер Бриджер, – ответил он, – я кентуккиец, и я видел на своем веку много и людей и животных. Но я никогда еще не встречал мужчины, который чрезмерно любил бы лошадей или собак и не был бы при этом жесток с женщинами.

«Девушка»
(Перевод под ред. В. Азова)

На нижнем стекле двери комнаты номер 962 золотыми буквами были выведены слова: «Роббинс и Гартли, маклеры». Клерк уже ушел. Было начало шестого, и уборщицы, с грузным топотом табуна премированных першеронов, вторглись в вонзающийся в облака двадцатиэтажный небоскреб, наполненный конторами. Дыхание докрасна раскаленного воздуха, надушенного лимонными корками, угольным дымом и ворванью, проникало сквозь полузакрытые окна.

Роббинс – пятьдесят лет, перезрелый красавец, завсегдатай всех премьер и шикарных ресторанов – притворялся, будто он завидует развлечениям своего товарища и компаньона.

– Ну, вы, конечно, намерены сегодня вечером предпринять что-нибудь по части сырости? – сказал он. – Знаю я вас, прохлаждающихся за городом молодчиков! Умеете пожить! Кузнечики у вас там разные и опять же луна к вашим услугам, не говоря уже о коктейлях и всяких там делишках на крыльце.

Гартли – двадцать девять лет, серьезный, стройный, красивый малый, нервный – вздохнул и слегка нахмурился.

– Да, – сказал он, – у нас всегда прохладные вечера в Флергерсте, особенно зимой.

Какой-то человек с таинственным видом вошел в контору и подошел к Гартли.

– Я узнал, где она живет, – объявил он тяжелым полушепотом, по которому люди-братья узнают сыщика за работой, как меченого.

Гартли движением бровей привел его в состояние сценического молчания и статуарности, но в это время Роббинс взял трость, переколол по своему вкусу булавку в галстуке и, сделав светский поклон, отправился к своим столичным развлечениям.

– Вот адрес, – сказал сыщик, теперь естественным голосом. Он ведь был лишен слушателей, которых он мог бы поразить.

Гартли взял листок, вырванный из грязной записной книжки ищейки. На нем карандашом были нацарапаны слова: «Вивьен Арлингтон, № 341, Восточная улица, на попечении миссис Мак-Комес».

– Переехала туда неделю назад, – сказал сыщик. – Если вам понадобится слежка, я могу сделать это, как никто другой в городе. Это будет стоить вам всего семь долларов в день и расходы. Могу ежедневно представлять печатный отчет, захватывающий…

– Нет, не стоит, – перебил его маклер. – Это не такого рода дело. Я просто хотел узнать адрес. Сколько вам следует с меня?

– Один рабочий день, – сказал ищейка, – десятка его покроет.

Гартли заплатил сыщику и отпустил его. Затем он вышел на улицу и вскочил в вагон, шедший на Бродвей. На первом большом перекрестке он пересел в вагон восточного направления и высадился на пришедшем в полный упадок проспекте, некогда укрывавшем в своих старинных зданиях красу и славу города.

Пройдя несколько кварталов, он подошел к дому, который он искал. Это был новый жилой небоскреб, на портале которого из дешевого камня было вырезано звучное наименование: «Валламброза». Пожарные лестницы спускались зигзагами по его фасаду, обремененные домашним хламом, сохнущим бельем и орущими детьми, выселенными с мостовой летним зноем. То тут, то там выглядывало из этого смешения чахлое растение, как бы недоумевая, к какому царству оно, собственно, принадлежит – к растительному, животному или искусственному?

Гартли нажал кнопку: «Мак-Комес».[1] Дверной замок щелкнул спазматически – с гостеприимством, смешанным с нерешительностью, словно бы он сомневался, кого он впускает – друга или кредитора. Гартли вошел и начал карабкаться по лестнице обычным приемом людей, разыскивающих своих знакомых в жилом небоскребе. Это прием мальчишки, взбирающегося на яблоню. Он лезет, пока не дотянется до яблока, которое он себе наметил.

На четвертом этаже он увидел Вивьен, стоявшую у открытой двери в свою квартиру. Она пригласила его внутрь кивком и сияющей искренней улыбкой. Она поставила для него стул около окна и грациозно устроилась сама на краю одного из тех предметов обстановки, которые маскируются и таинственно закрываются днем и превращаются в инквизиционные орудия пытки ночью.

Гартли, прежде чем заговорить, окинул девушку быстрым, критическим, проницательным взглядом и поздравил самого себя с безукоризненным вкусом в выборе.

Вивьен было около двадцати одного года. Она принадлежала к чистейшему саксонскому типу. Каждая прядь ее красновато-золотистых, изящно подобранных волос сияла своим собственным блеском и имела особый нежный оттенок. В полной гармонии были ее чистый, как слоновая кость, цвет лица и глубокие, синие, как море, глаза, смотревшие на мир с мечтательностью морской сирены или феи не открытого еще горного ручья. Она была крепкого сложения, но в то же время обладала полной непринужденности грацией. Тем не менее, при всей северной чистоте и ясности ее линий и колорита, в ней, казалось, было и что-то от тропиков: какая-то томность в непринужденности ее позы, наслаждение и покой в простодушном ее довольстве собой, в самом акте дыхания – что-то, свидетельствовавшее о ней, как о совершенном творении природы, достойном поклонения наряду с редким цветком или какой-нибудь великолепной молочно-белой горлицей среди скромно окрашенных подруг.

На ней была белая блузка и черная юбка – предусмотрительный маскарад пастушки гусей, которая на самом деле герцогиня.

– Вивьен, – сказал Гартли, умоляюще глядя на нее, – вы не ответили на мое последнее письмо. Я разыскивал вас почти целую неделю, прежде чем мне удалось узнать, куда вы переехали. Почему вы держали меня в неизвестности? Ведь вы же знали, с каким нетерпением я хотел увидеть вас, услышать о вас?

Девушка задумчиво смотрела в окно.

– Мистер Гартли, – промолвила она нерешительно, – я, право, не знаю, что вам сказать. Я понимаю все преимущества вашего предложения и иногда думаю, что могла бы быть счастлива у вас. Но затем я снова начинаю колебаться. Я родилась горожанкой, и я боюсь, что не вынесу тихой жизни за городом.

– Дорогая моя, – пылко произнес Гартли, – я ведь сказал вам, что у вас будет все, чего пожелает ваше сердце, все, что будет в моих силах дать вам. Вы будете ездить в город – в театры, за покупками, к вашим друзьям, когда только захотите. Ведь вы верите мне, не так ли?

– О, я верю вам вполне, – сказала она с улыбкой и подняла на него свои ясные глаза. – Я знаю, что вы добрейший из людей и что девушка, которую вы выберете себе, будет счастливицей. Я все узнала о вас, когда была у Монтгомери.

– Ах! – воскликнул Гартли, и в глазах его затеплился свет воспоминаний. – Я хорошо помню этот вечер, когда я впервые увидел вас у Монтгомери. Миссис Монтгомери целый вечер пела вам хвалы. И она едва ли отдала вам должное. Я никогда не забуду этого ужина. Ну же, Вивьен, скажите «да»! Я не могу без вас. Вы никогда не пожалеете, что приняли мое предложение. Никто другой никогда не создаст вам такой уютной семейной обстановки.

---

[1] В нью-йоркском жилом небоскребе каждая квартира имеет свой звонок на парадной с улицы.

Девушка вздохнула и посмотрела вниз на свои сложенные руки.

Вдруг ревнивое подозрение охватило Гартли.

– Скажите мне, Вивьен, – спросил он, посмотрев на нее пронизывающим оком. – Нет ли здесь кого-нибудь другого? Может быть, тут замешан еще кто-нибудь?…

Розовая краска медленно поползла по ее прелестным щекам и шее.

– Вам не следовало спрашивать этого, мистер Гартли, – сказала она в смущении. – Но я сознаюсь вам. Здесь, правда, замешан другой… но он не имеет никакого права – я ничего ему не обещала.

– Его фамилия? – сурово спросил Гартли.

– Таунсенд.

– Раффорд Таунсенд! – воскликнул Гартли, свирепо стиснув челюсти. – Как этот человек узнал вас? После всего, что я сделал для него!

– Его автомобиль как раз остановился внизу, – сказала Вивьен, высовываясь из окна. – Он приехал за ответом. О, я не знаю, что мне делать!..

В кухне зазвенел звонок.

– Останьтесь, – сказал Гартли. – Я сам встречу его в передней.

Таунсенд, похожий на испанского гранда, поднимался по лестнице в своем светлом пике и панаме, с своими завитыми черными усами, прыгая через три ступеньки. Увидев Гартли, он остановился в замешательстве.

– Ступайте обратно, – твердо сказал Гартли, направив свой указательный палец вниз.

– Алло! – сказал Таунсенд, притворяясь удивленным. – В чем дело? Что вы здесь делаете, старина?

– Ступайте обратно, – непоколебимо повторил Гартли. – Закон джунглей. Вы хотите, чтобы я растерзал вас в клочья? Добыча моя.

– Я приехал сюда, чтобы поговорить с водопроводчиком. У меня что-то водопровод в ванной комнате шалит, – мужественно возразил Таунсенд.

– Прекрасно, – сказал Гартли, – поздравляю вас: вы соврали, предательская ваша душа. Ну а теперь ступайте обратно.

Таунсенд спустился вниз и доверил внизу тяге, гуляющей по лестничной шахте, несколько крепких слов, чтобы она снесла их наверх. Гартли вернулся обратно к своему жертвеннику.

– Вивьен, – сказал он властно, – я должен иметь вас. Я слышать не хочу больше никаких отказов или отговорок.

– А когда вы хотите забрать меня?

– Сейчас. Как только вы будете готовы.

Она спокойно стала перед ним и посмотрела ему в глаза.

– Неужели вы хоть одну минуту думаете, – сказала она, – что я войду в ваш дом, пока Элоиза находится там?

Гартли покачнулся, как от неожиданного удара. Он скрестил руки и прошелся несколько раз по ковру.

– Она должна будет уйти, – объявил он мрачно. Капли пота выступили у него на лбу. – Почему, в самом деле, я должен позволять этой женщине портить мне жизнь? У меня не было ни одного спокойного дня, с тех пор как я знаю ее. Вы правы, Вивьен. Элоиза должна быть изгнана, прежде чем я возьму вас к себе домой. Она должна уйти. Я решился. Я выставлю ее.

– Когда вы сделаете это? – спросила девушка.

Гартли стиснул зубы и нахмурил брови так, что они соединились.

– Сегодня вечером, – сказал он решительно. – Я отправлю ее сегодня вечером.

– Тогда, – сказала Вивьен, – мой ответ будет: «да». Приходите за мной, когда хотите.

Она посмотрела ему в глаза нежно и искренно. Гартли едва мог поверить, что она согласилась серьезно. Она сдалась так быстро и так безусловно.

– Дайте мне, – сказал он с чувством, – ваше честное слово.

– Честное слово, – нежно повторила Вивьен.

В дверях Гартли остановился и посмотрел на нее долгим взглядом, но это был еще взгляд человека, не смеющего верить в прочность своего счастья.

– Значит, до завтра, – сказал он, с поднятым в знак напоминания указательным пальцем.

– До завтра, – повторила она с мягкой и искренней улыбкой.

Через час сорок минут Гартли вышел из поезда в Флергерсте. Через десять минут он подошел быстрым шагом к решетке красивого двухэтажного коттеджа, расположенного на просторной ухоженной лужайке. На полдороге к дому он был встречен женщиной с черными как смоль волосами в развевающемся белом летнем платье, которая едва не задушила его без всякой видимой причины.

Когда они вошли в холл, она сказала:

– Мама здесь. Автомобиль приедет за ней через полчаса. Она приехала обедать, а обеда нет.

– Я должен кое-что сообщить тебе, – сказал Гартли. – Я хотел было сначала осторожно подготовить тебя, но раз мама здесь, мы можем покончить с этим сейчас же.

Он остановился и прошептал ей что-то на ухо.

Его жена вскрикнула. Мать ее вбежала в холл. Брюнетка вскрикнула еще раз, радостным криком любимой и избалованной женщины.

– О мама! – восторженно воскликнула она – знаете что? Вивьен будет у нас кухаркой. Та самая, которая прожила целый год у Монтгомери. А теперь, Билли, дорогой, – закончила она, – ты должен сейчас же пройти на кухню и рассчитать Элоизу. Она опять была пьяна сегодня целый день.

Костюм и шляпа в свете социологии
(Перевод Т. Озерской)

Лето – сезон безответственности – уже на носу. Ну что ж, увенчаем чело ядовитым плющом (чудить так чудить!) и с социологией под ручку прогуляемся по цветущим лугам.

Вполне вероятно, что земля – плоскость. Различные умники без особого успеха пытались доказать, что она – шар. Взгляните на корабль, призывали они нас, и вы убедитесь, что рано или поздно округлость земного шара скроет от вас все, кроме верхушки мачты. Ну а мы тоже не лыком шиты, мы взяли подзорную трубу, поглядели в нее и снова увидели палубу и корпус судна. Тогда умники сказали: «Вот еще, подумаешь! Все равно отклонение пересечения эклиптики с экватором доказывает шарообразность земли». Этого мы в нашу подзорную трубу узреть не могли и вынуждены были замолчать. И все же каждому дураку ясно, что, будь земля круглой, у китайцев косы торчали бы перпендикулярно вверх, а не висели бы вдоль спины, как, по свидетельству всех путешественников, они у них висят.

В хорошее летнее пекло в голову лезут прямо-таки неопровержимые доказательства правильности плоскостной гипотезы: все в жизни, как нам известно, движется по замкнутому кругу. Больше всего это похоже на игру в бейсбол. Хлоп! Ударил по мячу и мчишься вперед. Выиграл перебежку (в жизни это называется «всех обскакал») – назад в «дом» и плюх на скамейку. Не добежал – выбываешь из игры. Значит, обратно в «дом» и плюх на скамейку.

Кругосветные мореплаватели могли бы и не плавать – прочертив круг по водной глади так называемого земного шара, они возвращаются туда, откуда отплыли. А великие мира сего, достигнув вершины своих достижений, возвращаются к изначальной младенческой простоте. Миллиардер садится за стол красного дерева, чтобы откушать молока с ломтем хлеба. Вы сделали карьеру? А ну-ка, снимите дощечку с надписью «финиш» и поглядите, что там на обороте. Читайте: «старт». Где висела, там и висит, – просто ее перевернули, пока вы бегали по кругу.

Но шутки в сторону. Вернемся к серьезным проблемам – от них ведь никуда не денешься, если социология вздумает усесться за летний табльдот. Приглашаем вас туда, где будут развертываться события: грозные волны Атлантики разбиваются о скалистые и лесистые берега у подножия великого города Нью-Йорка.

Поселок Фишхэмтон на южном берегу Лонг-Айленда получил известность благодаря своим блинчикам с креветками и летней резиденции Ван Плюшвельтов.

А Ван Плюшвельты – это сто миллионов долларов, и не диво, если их имя не сходит с уст лавочников и фотографов.

Пятнадцатого июня Ван Плюшвельты заколотили досками парадный подъезд своего городского дома, бережно посадили любимую кошку на посыпанную песком дорожку в саду, строго-настрого наказали привратнику не позволять ей объедать плющ на стенах и под рев мотора и визг шин умчались на своих сорока лошадиных силах в Фишхэмтон, где им предстояло в одиночестве – не водиться же в самом деле с разными там пастушками! – прогуливаться под сенью дерев. Если вы аккуратно подписываетесь на «Голос подхалима», то уж, конечно, не раз… Как, вы не подписываетесь? Ну тогда купите его в газетном киоске – сделайте вид, будто продавец ни о чем не догадывается. Только будьте спокойны, кто-кто, а уж он-то, конечно, догадывается! Он-то уж вас раскусил!

Итак, значит, вы уже не раз могли видеть в «Голосе подхалима» фотографии летней резиденции Ван Плюшвельтов, так что мне нет нужды описывать ее здесь. У нас речь пойдет о молодом Хейвуде Ван Плюшвельте, шестнадцати лет от роду, наследнике уже упоминавшихся выше ста миллионов, любимце бога финансов и праправнуке Петера Ван

Плюшвельта, некогда владельца славного огородика с первосортной капустой, погибшей при вторжении в предместье грозного полчища небоскребов.

Как-то после полудня молодой Ван Плюшвельт вышел из гранитных ворот «Дольче Фар Ниенте», что по-нашему будет «Сладкое безделье», а на этом побережье переводится как «самое роскошное поместье».

Хейвуд зашагал в сторону поселка. Он, что ни говори, тоже принадлежал к племени людей, а будущие миллионы уже тяжким бременем давили на его плечи. Он уже испытывал на себе зловещую власть богатства. Гувернеры уже поработали над ним всласть. Даже путь его первой игрушечной лошадки был усыпан пушистыми опилками. Он, что называется, родился в сорочке, и я бы даже сказал – в крахмальной сорочке с брильянтовыми запонками. А я вот снова вынужден привлечь ваше внимание к его одежде и прочим принадлежностям туалета, однако надеюсь, что в дальнейшем вы найдете этому оправдание.

Юный баловень фортуны был одет в изящный синий шевиотовый костюм, на голове у него была изящная белая соломенная шляпа, на ногах – изящные светло-коричневые летние ботинки, рубашка на нем была из прославленного голландского полотна с узким, изящно завязанным галстуком, и в руке он держал изящную бамбуковую тросточку.

На дороге, ведущей от поселка (тут сроду не росло ни единого дерева, и обзор хорош), появился «Чумазый» Додсон – пятнадцати с половиной лет, самый отпетый мальчишка в Фишхэмтоне. На нем был рваный красный свитер, видавшая виды кепка для гольфа, стоптанные башмаки и «расхожие» брюки. Грязь, размазанная по его потному от неустанной беготни лицу, оставила на нем широкие темные полосы. В руке у Чумазого была зажата бейсбольная бита, а вздувшийся карман штанов выдавал присутствие в нем бейсбольного мяча. Хейвуд остановился и поздоровался.

– Идете играть в бейсбол? – спросил он.

Чумазый обратил к нему свои голубые глаза и веснушки и бесцеремонно оглядел его с ног до головы.

– Я? – с убийственной кротостью переспросил он. – Ясное дело, нет. Слепой ты, что ли, не видишь – на мне водолазный костюм. Думаю взлететь на подводном воздушном шаре и ловить бабочек китобойным гарпуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.